

Были у нас в поэтическом военном строю как бы «звезды» первой величины. Встречая 50-летие Победы, добрым словом и по заслугам вспомнят имена А. Твардовского, Н. Тихонова, К. Симонова, И. Сельвинского, М. Светлова, В. Лебедева-Кумача. Но кто знает, может, за этими светлыми именами забудут сказать о многих других, которые тоже были единственными и неповторимыми.

Николай Флёров

Трубадуры Великой Победы

Четыре моих друга, четыре мушкетера Великой Отечественной — Яков Шведов, Александр Жаров, Иван Молчанов, Николай Панов... С Яковом Шведовым нас сроднили московский металлургический завод «Серп и молот», литкружок, а потом литобъединение — легендарная «Вальцовка». Трудно выделить какую-то одну встречу с Яковом Шведовым, их были сотни за полвека дружбы. Мне всегда нравилась в Якове его фантастическая осведомленность во многих областях жизни. Для меня он был «ходячей энциклопедией». Сегодня он запросто был выиграл автомобиль в «Поле чудес». Другьям всегда помогал делом. Когда я демобилизовался в 1946 году, Яков первым делом спросил у меня:

— А машинка пишущая у тебя есть?

Машинки у меня не было.

— Достану тебе недорогую и хорошую машинку. Писатель без нее жить не может.

Так у меня появилась «Эрика», на которой я работаю до сих пор.

Конечно, при встречах с Яшей мы более всего говорили о литературе. Помнится, на вопрос — почему он стал писателем? — Яков ответил:

— Просто надо было высказаться.

А по поводу песен не говорил ничего. Тут говорили сами песни. Даже сегодня — а быть может, именно сегодня, когда эфир, эстрада буквально опоганены безголосыми да и голосистыми авторами-исполнителями, особенно по-народному чисто звучит каждая строчка шведовских песен. Их фольклорность неотразима. Их простота поэтична. «Орленок, орленок, взлети выше солнца» или «Как-то летом на рассвете заглянул в соседний сад...». Какое простое очарование начала! Будто и не происходит ничего. А ведь песня-то боевая, партизанская. И в то же время песня о любви, о смуглянке-молдаванке...

Будут правы те, кто скажет, что в обеих этих песнях (а мы добавим — и во всех!) решающую роль играет музыка. И ясно, что «Орленок» без композитора В. Белого не был бы таким, каким его знает народ, и «Смуглянка» без музыки А. Новикова тоже не была бы той «Смуглянкой», что ныне входит, наверное, в первую десятку так называемых советских песен.

Такой же чистотой работы отмечены и многие составленные Шведовым антологические сборники песен. Он оставил в анналах нашей художественной истории важную ее составляющую. А еще Яков Захарович в годы войны бывал и в отступлении, и в атаке. Не раз попадал в переделки. Но вот что я подметил у него и вообще у многих фронтовиков — никогда они подвигами своими не бахвалились, о них старались не говорить. Мне как фронтовому журналисту в свое время приходилось буквально по слову, по два выуживать из таких людей, чтобы написать статью, очерк...

Что раньше привело Ивана Молчанова к известности — то ли знаменитое стихотворение Маяковского «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им...», в котором он «разложил» молодого поэта за мещанские настроения, то ли небольшая поэма о сожженном трактористе? Часто так бывает, что ежели тебя всенародно обругали (а тут ведь кто — сам Маяковский!), то имя твоё так вот «ругательной» дорогой и движется по литературным лестницам. Впрочем, сейчас мало кто вспомнит и эти стихи Маяковского о Молчанове, и уж тем более само это стихотворение Молчанова «Свидание» вызвавшее гнев Маяковского. А вот строчку «прокати нас, Петруша, на тракторе» помнят, песню поют и сегодня. Так что, скорее всего Иван Никанорович Молчанов триумфально «въехал» в литературу, в русскую поэзию на охваченном огнем тракторе в обнимку с

действительным другом своим и односельчанином трактористом Петром Дьяковым. А потом оказалось, что Дьякова враги не сожгли, что он спасся. Поэзия и жизнь переплетались в стихах Молчанова, и часто трудно было отличить буйную его фантазию от действительности. Он вообще был человек характера необузданного: то вдруг, еще годами не вышел,

И почему-то никто не любопытствовал, откуда песня эта у нас появилась? Однако я любопытствовал, и кто-то из взрослых рассказал историю, что нужна была песня пионерская и для упрощения решено было написать слова на известную музыку. Поручили комсомольскому поэту Александру Жарову. И песня прижилась. И хоть вроде бы и нет сегодня

датеи столичных поэтических кафе вдруг оказался в ряду моряков действующего Северного флота? Но именно там я и встретился с ним — на одном из эсминцев. Смотрю, стоит на палубе высокий сутуловатый человек и щурит подслеповатые глаза. Я подумал сперва: откуда из тыла по вопросам пищеблока, наверное? Меня представляют ему, и он:

— Писатель Николай Панов.

— Дир Туманный? (Его псевдоним был хорошо известен в Москве).

— Да, — со смущенной улыбкой отвечает он.

— И не забыли своего презентизма?

Этим вопросом я напомнил, что он был в двадцатых годах вождем нового литературного течения, о котором Андрей Белый писал, что это направление в поэзии представляет собой ее сближение с современностью и злобой дня.

— Зачем же его забывают? — отвечал Панов. — Я и сегодня с современностью. Это — реальная поэзия времени. А жизнь — вот она, — и он обвел широким жестом залив, как бы простирая руку к безбрежному океану.

А потом мы встречались с Пановым ежедневно под крышей нашей газеты «Краснофлотец», где оба работали. Да, Николай Николаевич, к счастью, оставался таким же, как всегда, ярким представителем интеллигенции, кажется, несомненной с боем, с огнем, с войной. Со всей серьезностью, которой отмечены его поэзия и проза, он стал активным сотрудником отдела юмора и сатиры, сочиняя всяческие байки про фюрера.

На Севере он написал лучшую свою книгу — «Боцман с «Тумана». Дир Туманный, разумеется, тут ни при чем. Был у нас корабль такой — «Туман». Легендарный корабль. Он сражался против трех эсминцев врага, а все-таки был рыболовный тральщик. Но Панов написал не только и даже не столько об этом. Он создал художественный образ военного моряка. Этим образом жили все на флоте. Повесть, как и его поэма «Баренцево море», печаталась во фронтовой газете с продолжением. Потом вышла книга.

...50 лет Победы! Какое тогда было время! Мы жили в одной семье со своими героями, билась с врагом рядом с ними. Наше слово, написанное сегодня, завтра приходило к ним со страниц фронтовых газет, являлось в кубрики и в землянки. Вот когда мы ощущали себя певцами во стане русских воинов. Дай Бог нынешним певцам хоть немного быть похожими на своих предков лавленных дедов.

ввязался в гражданскую войну на Севере, месяцами лежал в госпиталях, а оклемавшись, снова шел в бой. То, выпустив в Москве новую книгу стихов, уезжал на длительные гастроли по стране, то оседал в какой-то районной многоэтажке и писал свои «петушки» (так называл один мой журналистский друг маленькие заметки). Но где бы Молчанов ни путешествовал и как бы долго ни гастролировал, все равно оказывался на своей малой родине, на Севере, под Архангельском.

Помню, во все послевоенные годы нашего товарищества только и говорили, что о Севере: я провел там, у Баренцева моря, почти всю войну, а притягательная сила Севера общеизвестна.

— Ну что, Коля, махнем в Архангельск? Или в Мурманск? — говорил, бывало, Иван Никанорович в своей маленькой московской квартирке, понимая, что никуда он уже не махнет, что стар и болен, и только вспоминая, как в годы Великой Отечественной был и на юго-западном, и на втором и третьем украинских фронтах, как шел от Москвы до Сталинграда и от Сталинграда до Праги. И может быть, и не знал тогда, и не думал, что останется жить сочиненная им в этих походах и боях песня:

Чуть горит зари полоска
Золотая, тихая струя...
Ой ты, мать-земля
Дорогая родина моя.

А песня эта живет. Ее всегда исполняют в концертных программах, посвященных обороне Москвы. Александр Жаров я узнал так: жил я в Палашевском переулке в Москве, а собирались мы, пионеры, неподалеку в одном из зданий на Тверском бульваре. И шли всегда с песнями и барабанным боем вдоль Тверского бульвара и пели «Взвейтесь кострами, синие ночи...».

пионеров, а песню и нынче знают люди.

Лет через пять после моего пионерского детства встретился я и с самим Александром Алексеевичем. Все в той же «Вальцовке». Он был одним из наших учителей. Приходил молодой, красивый, задорный, и сразу начиналось обсуждение наших стихов. Но сколько бы ни говорили о наших «опусах», занятия всегда кончались тем, что просили читать Жарова. А читал он замечательно. И я ему подражал в чтении. Вообще я ему во всем тогда подражал. Мне нравился его сочный, ясный поэтический слог, его ударная сила, нравилось, как ведет он себя с аудиторией. «Уроки Жарова» очень помогли мне в творческом становлении.

В годы войны получилось так, что с Александром Алексеевичем мы встречались довольно часто. Он приезжал к нам на Северный флот в длительные командировки от политуправления ВМФ. Я радовался его приездам: значит, будет материал для «Тарана» — юмористического отдела фронтовой газеты, которым я по совместительству заведовал. Жаров был большой мастер сатиры.

На флоте Жаров в редакции не задерживался. Всегда старался быть ближе к повседневной боевой действительности: летал на бомбежку, шел в боевой поход, приходил к морским пехотинцам. Это был настоящий фронтовой поэт-журналист. Все это осталось у него до конца дней. В самые последние свои годы Жаров возглавлял политический плакат, можно сказать, что он возродил политический плакат в Москве. Его спсобный коллектив художников и поэтов как бы соревновался с «Крокодилом» и, будучи более оперативным, не раз одерживал победы.

О Николае Николаевиче Панове надо писать не заметки, а книгу. Жизнь его того заслуживает. Я и сейчас не могу даже объяснить, как этот сверхинтеллигентный очкарик, завсег-

204.95
Молчанов Иван Никанорович